

Научная статья
УДК 739.4:672.13(470.55)
DOI 10.46748/ARTEURAS.2024.01.008

Восточный бестиарий уральского художественного литья из чугуна начала XX века

Винокуров Сергей Евгеньевич ^{a, b}

^a Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

^b Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Екатеринбург, Российская Федерация
serg.vinokuroff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7548-8651>, Researcher ID: F-1022-2019,
Author ID 851588

Аннотация. Статья посвящена особенностям репрезентации образов реального и фантастического животного миров, созданных в восточной художественной традиции, в ассортименте уральских чугунолитейных предприятий. Ставится вопрос о причинах включения этих моделей в основной ассортимент заводов, а также раскрывается соответствие моделей ведущему стилю рубежа XIX–XX веков. Материал исследования тематически сгруппирован на изображения представителей орнитофауны и образы фантастических зверей и земноводных. Анализ произведений сопровождается рассмотрением символического значения образов в русле восточной художественной и мифологической традиций. Определяются особенности используемых моделей, а также трансформация восточных прототипов во время моделировки: наделение предметов функциональностью, добавление отдельных элементов и другие. Выделяются аналоги чугунных моделей в искусстве Китая и Японии, часть из них видоизменена в русле развития европейской художественной промышленности. На основе анализа одного из образов, а также обнаруженного точного аналога высказывается предположение о возможности работы Каслинского завода в начале XX века с реальным китайским производением.

Ключевые слова: уральское художественное литье из чугуна, каслинское литье, кусинское литье, ар нуво, шинуазри, японизм, кросскультурные коммуникации

Для цитирования: Винокуров С.Е. Восточный бестиарий уральского художественного литья из чугуна начала XX века // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2024. № 1 (32). С. 112–123. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2024.01.008>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1067>.

Original article

Eastern bestiary of Ural artistic cast iron of the early 20th century

Sergey E. Vinokurov ^{a, b}^a Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation^b Ekaterinburg Museum of Fine Arts, Ekaterinburg, Russian Federationserg.vinokuroff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7548-8651>, Researcher ID: F-1022-2019, Author ID 851588

Abstract. The article is devoted to the features of the representation of images of real and fantastic animal worlds, created in the Eastern artistic tradition, in the assortment of the Ural cast iron factories. The question of the reasons for the inclusion of these models in the main assortment of the factories is raised, and also the stylistic correspondence of the models with the leading style of the turn of the 19th and 20th centuries is revealed. The material of the study is divided thematically into images of representatives of avifauna and images of fantastic animals and amphibians. The analysis of the artworks is accompanied by a consideration of the symbolic meaning of the images in the context of Eastern artistic and mythological traditions. The author defines the features of the models used, as well as the transformation of the oriental prototypes during modelling: endowing objects with functionality, adding individual elements, and others. The analogues of the cast-iron models in the art of China and Japan are highlighted, some of them modified in line with the development of the European art industry. On the basis of the analysis of one of the images, as well as the discovered exact analogue, it is suggested that the Kasli factory could have worked with a real Chinese artwork at the beginning of the 20th century.

Keywords: Ural artistic cast iron, Kasli artistic iron casting, Kusa artistic iron casting, Art Nouveau, Chinoiserie, Japonism, cross-cultural communications

For citation: Vinokurov, S.E. (2024) 'Eastern bestiary of Ural artistic cast iron of the early 20th century', *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (1), pp. 112–123. doi:10.46748/ARTEURAS.2024.01.008.

Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1067>. (In Russ.)

Введение

В истории искусства Урала XIX–XX веков важное место занимает художественное литье из чугуна. Этот вид художественно-промышленного искусства, помимо прочих важных своих особенностей, ярко демонстрирует тесные связи региона со столичной и, шире, европейской художественной культурой. Одним из значимых аспектов этих взаимодействий является использование восточных мотивов, сюжетов и, вероятно, моделей в ходе активного расширения ассортимента на рубеже XIX–XX столетий.

Этот процесс активной ассортиментной политики управляющих заводами совпал по времени с развитием стиля ар нуво в Европе и его

версией в Российской империи, проявившейся и в классическом понимании модерна с его тягой к струящимся формам и флоральным мотивам, и в форме национально-романтического русского стиля. Обе эти линии нашли яркое воплощение в деятельности уральских чугунолитейных заводов, опиравшихся на модели столичных и европейских скульпторов.

Интерес в этом контексте представляет еще одна линия выражения идей ар нуво через обращение к дальневосточной художественной традиции, характерное в первую очередь для европейских художественно-промышленных предприятий, нежели российских. Активно развивавшийся

во второй половине XIX века японизм наравне с очередной волной шинуазри в рамках «второго» и «третьего» рококо определили эту еще одну линию стиля ар нуво (в Российской империи — модерн). Более того, исследователи отмечают, что французский ар нуво, как и прочие национальные его версии, во многом был обусловлен активным обращением европейских художников-прикладников и дизайнеров к дальневосточной эстетике. Отсюда вытекает неслучайность появления «восточных моделей» в ассортименте уральских чугунолитейных заводов.

Отметим, что произведения этой экзотической линии обязательно включаются в экспозиции, посвященные истории художественного литья из чугуна [1]. На этих выставках предметы, отражающие дальневосточные сюжеты или персонажей, часто имеют условные названия и пояснение «в японском стиле» без отдельного внимания к возможным источникам образов и моделей или их изначальному сюжету. Во многом отмеченная тенденция связана с практикой уральских заводов, в чьих ассортиментных каталогах мы находим следующие формулировки: «Фантастическое животное (в японском стиле)», «Японец на лягушке (в японском стиле)», «Коробочка четырехугольная — рельеф (в японском стиле)» и т.д. [2, с. 16]. Эти названия предметов отражают специфику восприятия составителями каталогов очевидно непонятных для уральских предприятий моделей и сюжетов.

В более ранних публикациях нами уже были проанализированы некоторые из примеров обращения к восточным образцам Каслинского и Кусинского чугунолитейных заводов [3]. Материалом исследования выступают произведения из музейных (в первую очередь — Екатеринбургского музея изобразительных искусств, Свердловского областного краеведческого музея) и частных коллекций (Екатеринбург, Москва). Кроме того, ценные сведения о рассматриваемом типе моделей представлены в ассортиментных каталогах Каслинского и Кусинского заводов начала XX века.

Цель настоящей статьи — исследование экзотических восточных мотивов в произведениях уральских чугунолитейных заводов, а именно в изображениях реальных и фантастических животных, птиц и земноводных, складывающихся в своеобразный «восточный bestiary». Представленный материал позволяет выяснить характер использования экзотических элементов (мотив, орнамент, символический предмет) и композиционных приемов, а также определить место «восточных» моделей в общем ассортиментном ряду уральских чугунолитейных предприятий рубежа XIX–XX веков.

Восточная орнитофауна в уральском чугуне

В настоящее время можно с уверенностью говорить о наличии в ассортименте уральских заводов более тридцати моделей (почти 1/10 ассортимента), иллюстрирующих внимание к восточной образности в рассматриваемый период. В сравнении с другими важными для региона видами декоративно-прикладного искусства это количество представляется внушительным. Так, в области камнерезного искусства на данный момент выявлен лишь один предмет, в котором отчетливо проявилось обращение к японской бронзовой модели как в форме сосуда, так и в декоре [4]. Уральские лаки также лишь в единичных образцах первой половины XIX века демонстрируют внимание к условному Востоку, т.е. являются скорее примерами приемов стиля рококо середины XVIII века [5, с. 89].

Важно отметить, что большая часть животных уральского художественного литья из чугуна, связанных с восточной темой, являются реальными представителями фауны. Однако их изначальное значение или сочетание в одной композиции в русле дальневосточной художественной традиции являлось глубоко символическим и связывалось с различными благопожелательными сюжетами.

Одним из наиболее ярких примеров этому может служить ранее уже подробно рассмотренный [6, с. 41–42] подсвечник «Ибис на черепахе», отлитый на Кусинском чугуноплавильном и железоделательном заводе в 1902–1914 годах (рис. 1). Это название из заводского прейскуранта отражает ситуацию частого непонимания уральскими предприятиями сюжетов тиражируемых моделей. Отметим, что закрепившаяся к сегодняшнему дню в среде исследователей и коллекционеров уральского чугунолитейного литья традиция именования предметов согласно их названиям в прейскурантах начала XX века продолжает эту линию.

Так, несоответствие названия предмета реально изображенной птице на спине черепахи затрудняет определение изначального сюжета. Внимательный зритель тем не менее различит в воссозданной птице не ибиса, а журавля. Действительно, парное изображение журавля и черепахи является одной из популярных благопожелательных композиций в Китае и Японии, символизирующих долголетие.

Поиск подобных сюжетов показал широкую распространенность этого иконографического типа в дальневосточном искусстве и, что важно, в том числе в художественной бронзе. Буквальным подтверждением этому может служить приведенная в книге философа и религиоведа Поля Каруза (Paul Carus, 1852–1919) иллюстрация, представляющая фотоснимок китайского бронзового подсвечника «Журавль и черепаха» [7, р. 24].

1. Подсвечник

«Журавль на черепахе».

Отливка 1902–1914 гг.

Кусинский

чугуноплавильный

и железоделательный

завод.

Чугун, голландская сажа;

литье.

21 x 7 x 15.

Екатеринбургский музей

изобразительных

искусств, инв. № П-3423.

Фото: ЕМИИ

Практически полное совпадение изображенной в книге и кусинской композиций дает основание предполагать, что моделью для уральских мастеров мог послужить подлинный бронзовый китайский подсвечник.

Подобный же принцип групповой композиции, очевидно берущей начало в искусстве Японии, наблюдается в «Вазе с веткой, дятлом и лягушкой» (рис. 2), отливаемой на Каслинском заводе в начале XX века. Очевидно, что основой для этой модели послужила популярная в Европе в последней трети XIX – начале XX века японская художественная бронза (так называемая бронза Мэйдзи). Несомненно дальневосточная форма сосуда с вытянутым узким горлом здесь дополнена скульптурными изображениями дятла, лягушки и стебля цветка с листьями. Подобные композиции часто встречаются в творчестве японских бронзовщиков второй половины XIX века. Однако в варианте уральских мастеров, вероятно, работавших по уже модифицированной европейской модели, традиционные японские персонажи (например, всё те же журавль и черепаха) заменяются на более понятных европейскому зрителю дятла и лягушку.

Представители орнитофауны из китайской и японской мифологии встречаются и в многочисленных лотках, отливаемых уральскими заводами. Среди них цапли (защитники домашних традиций, обычаев и устоев от негативной энергии), утки-мандаринки (пожелание долгой и счастливой семейной жизни) и другие представители фауны в сочетании с ветками сакуры или условными хризантемами. Эти композиции, напоминающие о китайском жанре живописи *хуа-няо* — «цветы-птицы» или о поджанре японской гравюры *укиё-э кате-га* — «картины о цветах и птицах», успешно укладываются в эстетику стиля *ар нуво*, во многом опиравшегося на поздний *шинуазри* и расцветший во второй половине XIX века *японизм*.

Так, в лотке для перьев «Утки» сложной слегка изогнутой формы с рифленным краем изображены в невысоком рельефе утки-мандаринки, плавающие в пруду (рис. 3). Рамкой для этой сцены тихой заводи служит сочетание рельефного растительного орнамента и китайских монет *цян* — круглых по форме и с квадратным отверстием в центре как отражение союза энергий Неба и Земли (*инь и ян*). Эти монеты являлись одним из достаточно широко известных символов Китая, поэтому неслучайно автор модели (как предполагается — европейский скульптор) включил их в декор лотка.

Фантастические звери в уральском чугуне

Интересные варианты воплощения восточных сюжетов в уральском художественном литье из чугуна связаны с обращением к фантастическим образам китайской и японской мифологии. Отметим, что в силу большей однозначности указанных персонажей в предметах этого круга отмечается меньшая свобода в интерпретации восточных сюжетов европейскими и, как следствие, уральскими чугунолитейщиками.

Одним из примеров этого направления является «Фантастическое животное *ши-цзы*» (рис. 4), отлитое в 1915 году на Каслинском заводе. *Ши-цзы* — мифологический «лев Будды», один из важнейших художественных образов Китая, представляющий собой среднее между изображением собаки и льва. Символ мужества, внутренней непоколебимости и пожелания жизненных успехов, *ши-цзы* — один из наиболее часто используемых образов в искусстве Китая — от фарфора, резьбы по камню и дерева и бронзового литья до живописи и архитектуры¹. Пример работы каслинских мастеров представляет собой так называемый парадный тип, закрепившийся в период правления династии Мин (1368–1644) в оформлении архитектурных и парковых ансамблей. Отметим, что передача характерного оскала мифического зверя, а также принцип изображения гривы свидетельствуют, что уральские мастера опирались на конкретный образец, позволивший передать характер подлинной дальневосточной работы.

Интересные варианты ваз с драконами, входившие в ассортимент Кусинского завода в начале 1910-х годов, находятся в коллекции Татьяны Удрас (Москва) [8]. Одна из них (рис. 5) представляет собой сосуд формы балясины с широким туловом, оплечье и горло которого обвито горельефным изображением дракона с лапами, практически превращающимся в круглую скульптуру. Подобные сосуды в изобилии представлены как в китайской, так и в японской художественной бронзе, что доказывает даже поверхностное обращение к интернет-источникам и порталам аукционных домов.

Более интересной является вторая ваза цилиндрической формы, где по тулову в невысоком рельефе изображен дракон (рис. 6). Поиск аналогов среди произведений китайской и японской художественной бронзы показал, что с большей вероятностью образцом для модели мог послужить предмет японской бронзы периода Мэйдзи [9]. В китайских вариантах цилиндрических сосудов рассматриваемого времени чрезмерно детализированные изображения драконов давались в горельефе, значительно выступающем

¹ Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. Т. 6 (дополнительный): Искусство / гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2006. 1031 с.

**2. Ваза с веткой,
дятлом и лягушкой.**

Отливка 1901 г.

Каслинский

чугуноплавильный

и железоделательный

завод.

Чугун, голландская сажа;

литье.

23,9 x 12,8 x 12,9.

Екатеринбургский музей

изобразительных

искусств, инв. № П-391.

Фото: ЕМИИ

3. Лоток «Утки».

Отливка 1914 г.

Каслинский
чугуноплавильный
и железоделательный
завод.

Чугун, голландская сажа;
литье.

1,2 x 26,6 x 8,4.

Екатеринбургский музей
изобразительных
искусств, инв. № П-374.

Фото: ЕМИИ

**4. Фантастическое
животное ши-цзы.**

Отливка 1915 г.

Каслинский
чугуноплавильный
и железоделательный
завод.

Чугун, голландская сажа;
литье.

7,7 x 9,2 x 6,3.

Екатеринбургский музей
изобразительных
искусств, инв. № П-185.

Фото: ЕМИИ

**5. Ваза японская
в форме графина
с обвивающимся
драконом.**

Отливка начала XX в.

Кусинский

чугуноплавильный
и железоделательный
завод.

23,1 x 14 x 14.

Коллекция Татьяны Удрас,

Москва. Фото: [8]

**6. Ваза японская
в форме цилиндра
с обвивающимися
драконами, маля.**

Отливка начала XX века.

Кусинский

чугуноплавильный

и железоделательный

завод.

18,2 x 8,9 x 8,9.

Коллекция Татьяны Удрас,

Москва. Фото: [8]

**7. Лю хай,
сидящий на жабе.**

Отливка около 1900 года.

Каслинский

чугуноплавильный
и железоделательный
завод.

Чугун, голландская сажа;
литье.

13,3 x 14,5 x 11.

Екатеринбургский музей
изобразительных

искусств, инв. № П-292.

Фото: ЕМИИ

за пределы «фона». Низкий рельеф с более обобщенным рисунком был шире распространен в японских цилиндрических вазах и кубках второй половины XIX – начала XX века².

Отметим, что часто традиционным для стран Восточной Азии предметам в переработанном европейском варианте придавалось функциональное значение, а их изначальный облик, связанный с мифологическими сюжетами, изменялся. Ярким примером этому может служить коробочка «Лю хай, сидящий на жабе» (рис. 7), в преискусстве Каслинского завода именованная как «Японец

на лягушке (в японском стиле)» [10, с. 155]. Лю Хай (или Лю Хар, Лю Хай-чжань) — один из представителей даосской мифологии, бог монет из свиты бога богатства Цай-шэня.

В контексте настоящей статьи внимание привлекает фигура жабы, иллюстрирующая как возможности уральских чугунолитейщиков в отливке и доработке неровностей жабьей кожи, так и изменение изначального образа. Для подобных композиций в Китае принято было изображение жабы с тремя лапами, что связано с особенностями мифологического сюжета. Однако на Каслинском

² Bronze cylindrical vase // Drouot Group. [Электронный ресурс]. URL: <https://drouot.com/en/l/19928902> (дата обращения: 13.09.2023).

заводе (или европейскими бронзовщиками, по чьей модели, вероятно, работали на Урале) фантастическому изначально персонажу, переродившемуся жабой врагу Лю Хая, была добавлена четвертая лапа, что сделало образ более понятным, физически устойчивым, но утратившим свое сюжетное мифологическое значение.

Заключение

Таким образом, приведенный анализ произведений и предложенные конкретные или опосредованные источники позволяют говорить о сложившейся на уральских чугунолитейных заводах рубежа XIX–XX веков практике обращения к восточным образцам и моделям. Это внимание, укладываемое в узкий хронологический отрезок 1900–1910-х годов и обусловленное общеевропейскими стилевыми тенденциями, позволяет говорить о включенности предприятий Урала в актуальную художественную повестку.

Важно отметить, что за рамками статьи остались произведения уральских чугунолитейных заводов восточной тематики, сюжетами которых являлись традиционные японские пейзажи, почерпнутые, очевидно, авторами моделей из японской гравюры или произведений японских лаков, а также герои китайских лубочных картин *няньхуа*.

Относительно же восточной фауны — реальной и фантастической — стоит сказать, что представленный ряд произведений не является всеобъемлющим. Выбранные персонажи и сюжеты, встречающиеся в иных комбинациях и в ряде других предметов, определяются нами как наиболее распространенные в сфере художественной промышленности. В частности, в контексте темы статьи речь идет в первую очередь о бронзолитейном искусстве Европы и, как следствие, уральском художественном литье из чугуна, исторически связанного с различными видами художественной промышленности Российской империи и стран Европы.

Также нельзя не сказать о том, что обращение к экзотическим моделям позволило уральским заводам значительно расширить ассортимент производства, который к началу XX века уже был насыщен моделями европейского характера разного размерного типа. Восточные модели в этом контексте успешно укладывались в эстетику нового доминирующего стиля, тяготеющего к камерным образам (даже в случае кабинетной скульптуры), а также пестующего сохранение живых органических природных форм как важного, пусть и понимаемого преимущественно в декоративном ключе, принципа стиля ар нуво и его национальных версий.

Список источников

1. Абрис нежный. Стиль модерн в уральском художественном литье из чугуна / сост. К.А. Гилёва. Екатеринбург: ЕМИИ, 2012. 44 с.
2. Литье Каслинского завода Кыштымского округа. Художественные вещи : альбом. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. 34 с.
3. Винокуров С.Е., Будрина Л.А. Дальневосточная мечта европейских мастеров. СПб.: Нестор-История, 2021. 208 с.
4. Будрина Л.А., Винокуров С.Е. Китайские мотивы в художественных промыслах Урала: чугунное литье и резной камень // Образ Поднебесной. Взгляд из Европы : сборник научных статей XXI Царско-сельской конференции / ред.: Г.Ф. Груздева, Е.Г. Миронова, И.К. Смирнова. СПб.: Серебряный век, 2015. С. 54–65.
5. Гилёва К.А., Будрина Л.А. Художники уральских заводов. Искусство конца XVIII – первой половины XIX века : научный каталог выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. Екатеринбург: ЕМИИ, 2019. 120 с.
6. Винокуров С.Е., Будрина Л.А. Европейские публикации XIX века как источник восточных мотивов в декоративно-прикладном искусстве и инструмент атрибуции // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 4. С. 32–45. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.065>.
7. Carus P. Chinese thought: an exposition of the main characteristic features of the Chinese world-conception. Chicago: The Open Court Publ. Comp., 1907. 204 p.
8. Ex Thesauris. Русский художественный чугун из коллекции Татьяны Удрас : каталог выставки в Государственном историческом музее / авт.-сост. Т.А. Удрас. М.: ГИМ, 2011. 220 с.
9. Совершенство в деталях. Искусство Японии эпохи Мэйдзи (1868–1912) : каталог выставки в Государственном Эрмитаже : в 4 т. Т. 2: Художественный металл / авт.-сост. А.В. Савельева, М.Л. Меньшикова. СПб.: Чистый лист, 2016. 191 с.
10. Художественное литье XIX–XX веков в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств : каталог / авт.-сост. О.П. Губкин, Г.П. Шайдурова. Екатеринбург: Автограф, 2005. 319 с.

References

1. Gileva, K.A. (comp.) (2012) *Delicate outline. Art Nouveau style in Ural artistic cast iron*. Ekaterinburg: Ekaterinburg Museum of Fine Arts. (In Russ.)
2. *Casting from the Kasli factory in the Kyshtym district. Works of Art*. (1913). Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. (In Russ.)
3. Vinokurov, S.E. and Budrina, L.A. (2021) *The Far Eastern dream of European craftsmen*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)
4. Budrina, L.A. and Vinokurov, S.E. (2015) 'Chinese motifs in the artistic crafts of the Urals: iron casting and carved stone', in Gruzdeva, G.F., Mironova, E.G. and Smirnova, I.K. (eds.) *The image of the Celestial Empire. A view from Europe*. Saint Petersburg: Serebryanny vek. (In Russ.)
5. Gileva, K.A. and Budrina, L.A. (2019) *Artists of the Ural factories. Art of the late 18th – first half of the 19th centuries* [Scientific catalogue of the exhibition at the Ekaterinburg Museum of Fine Arts]. Ekaterinburg: Ekaterinburg Museum of Fine Arts. (In Russ.)
6. Vinokurov, S.Ye. and Budrina, L.A. (2021) 'European publications of the 19th century as a source of oriental motifs in decorative arts and an attribution tool', *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 23(4), 32–45. doi:10.15826/izv2.2021.23.4.065. (In Russ.)
7. Carus, P. (1907) *Chinese thought: An exposition of the main characteristic features of the Chinese world-conception*. Chicago: The Open Court Publ. Comp.
8. Udras, T.A. (2011) *Ex Thesauris. Russian artistic cast iron from the collection of Tatiana Udras* [Catalogue of exhibitions in the State Historical Museum]. Moscow: State Historical Museum. (In Russ.)
9. Savelyeva, A.V. and Menshikova, M.L. (comps.) (2016) *Perfection in Details. The Art of Japan in the Meiji Period (1868–1912) at the State Hermitage Museum*, in 4 volumes, vol. 1: Artistic metal. Saint Petersburg: Chisty list Publ. (In Russ.)
10. Gubkin, O.P. and Shajdurova, G.P. (comps.) (2005) *Art castings of the 19th–20th centuries in the collection of Ekaterinburg Museum of the Fine Arts* [Catalogue]. Ekaterinburg: Autograph Publ. (In Russ.)

Информация об авторе

Винокуров Сергей Евгеньевич, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация; старший научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Екатеринбург, Российская Федерация, serg.vinokuroff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7548-8651>, Researcher ID: F-1022-2019, Author ID 851588.

Information about the author

Sergey Evgenievich Vinokurov, Cand. Sc. (History of Art), Senior Lecturer, Department of Art History and Museum Studies, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation; Senior Researcher, Department Decorative Arts, Ekaterinburg Museum of Fine Arts, Ekaterinburg, Russian Federation, serg.vinokuroff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7548-8651>, Researcher ID: F-1022-2019, Author ID 851588.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 31.01.2024.

The article was received by the editorial board on 23 October 2023; approved after reviewing on 29 January 2024; accepted for publication on 31 January 2024.